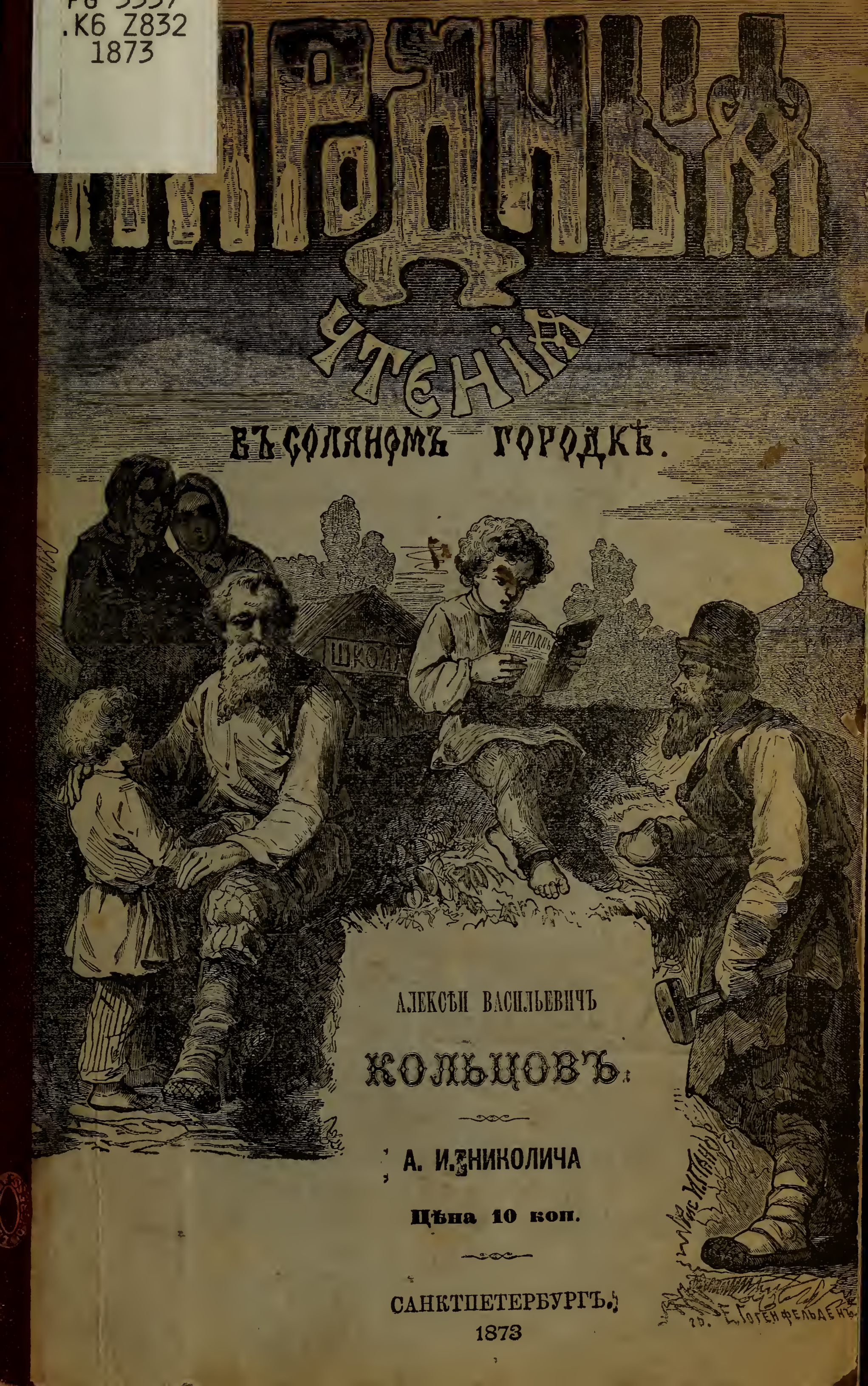
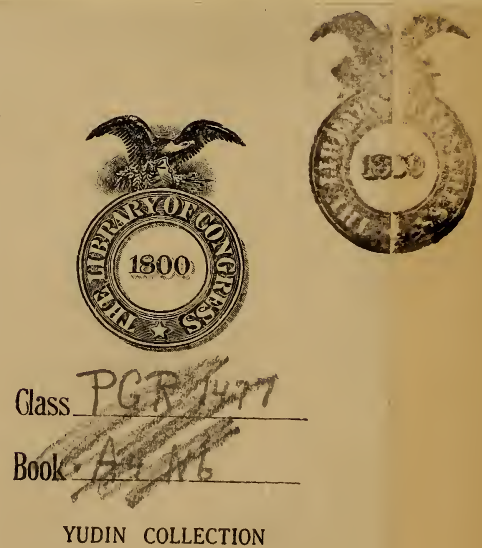

.K6 Z832
1873
НАРОДНЫЯ
ЧТЕНІЯ
ВЪ СОЛЯНОМЪ ГОРОДКѢ.
ШКОЛА
НАРОДНЫ
АЛЕКСѢЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ
КОЛЬЦОВЪ.
А. И. НИКОЛИЧА
Цѣна 10 коп.
САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1873

A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА Г. В. ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

ТРУДЫ КОММИССІИ

ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ОТДѢЛА МУЗЕЯ ПРИКЛАДНЫХЪ ЗНАНІЙ

ПО СОСТАВЛЕНІЮ ЧТЕНІЙ ДЛЯ НАРОДА.

Nikolich, A. I.

АЛЕКСѢЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ

КОЛЬЦОВЪ.

ЧТЕНІЕ ДЛЯ НАРОДА

А. И. НИКОЛИЧА.

ПРОИЗНЕСЕНО

ВЪ АУДИТОРІИ СОЛЯНАГО ГОРОДКА.

(Съ изображеніемъ памятника Кольцова и его портретомъ).

С.ПЕТЕРБУРГЪ.

1873

Дозволено цензурою. С. Петербургъ, 15-го февраля 1873 г.

Типографія П. П. Меркульева, Графскій пер. д. № 5.

АЛЕКСѢЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ КОЛЬЦОВЪ.

«Ученье—свѣтъ, а неученье — тьма» говоритъ наша русская пословица.

Не сочинена, не выдумана эта пословица, а сложилась она, какъ и многія другія, сама собою; сложилась потому, что люди не разъ замѣчали, что ученье помогаетъ много человѣку въ жизни, ученье раскрываетъ ему много такого, чего, не учившись, онъ никогда и не узналъ бы, о чемъ онъ и понятія не имѣлъ бы и бродилъ бы словно въ потемкахъ. Ученье разгоняетъ эти потемки, и, словно солнышко, разсѣевая туманъ, сквозь

который ничего не видно, освѣщаетъ путь человѣку... Но зато какъ трудно бываетъ иногда ему пробится сквозь этотъ туманъ: сколько трудовъ, лишеній приходится перенесть ему пока успѣетъ онъ разогнать эту тьму. Въ особенности трудно достается это человѣку простому, бѣдному. Но тѣмъ болѣе чести и славы бываетъ такому человѣку, коли у него хватитъ силъ, какъ говорится, выбраться на дорогу.

Были и у насъ на Руси такіе люди.

Далеко отъ Питера,—верстъ 500 еще за Москвой—течетъ рѣка Донъ, и стоитъ на ней городъ Воронежъ. Старый, древній, русскій, православный онъ городъ; въ немъ и мощи Св. Митрофана покоятся.

Вотъ въ этомъ то самомъ городѣ, лѣтъ 60 тому назадъ, жилъ простой мѣщанинъ *Василій Кольцовъ*; мужикъ онъ былъ не то что богатый, но и не бѣдный. Въ городѣ всѣ его знали, потому что онъ жилъ тамъ давно и долго. Состоя въ мѣщанахъ, промышлялъ онъ баранами, которыхъ содержалъ цѣлыя стада и продавалъ сало изъ нихъ на салотопленные заводы.

Лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ съ лишнимъ, а именно въ 1809 г., въ ночь съ Покрова, у этого Василія Кольцова родился сынъ *Алексѣй*. Куда какъ обрадовался отецъ сыну; ну, слава Богу, говорилъ онъ, будетъ у меня теперь помощникъ, пусть только подростетъ.

И вправду, славный, здоровый росъ парнишка. Только пока еще былъ онъ маленькимъ, въ работу еще не годился, отецъ на него никакого вниманія не обращалъ: пусть-де ростетъ

себѣ на волѣ. И шалитъ съ другими ребятишками, и бѣгаетъ себѣ по улицамъ зря Алешка. Что онъ дѣлаетъ, съ кѣмъ бѣгаетъ — никому до него и дѣла нѣтъ. На дворѣ уже и осень глубокая и сыро и холодно, а Алешка, какъ въ ни чемъ не бывало, по лужамъ, по грязи на босу ногу бѣгаетъ. Извѣстное дѣло, дитя маленькое, силишки еще мало, совсѣмъ еще не окрѣпло, — ну и слегъ Алеша, захворалъ; пуще всего ноги простудилъ; да такъ простудилъ, что хотя и выздоровѣлъ, да все уже не то,—всю жизнь на ноги жаловался.

А отцу все горя мало; занятъ онъ своими баранами: вся въ нихъ его забота.

Алеша сталъ подростать; пошелъ уже ему десятый годокъ. Отецъ видитъ, что мальчикъ ростетъ, надо скоро его и въ работу, а то что-де понапрасно хлѣбъ отцовскій ѣстъ.

И задумалъ онъ слѣлать изъ него своего прикащика; а извѣстное дѣло, прикащикъ долженъ умѣть и сосчитать, долженъ умѣть и записать расходъ или такъ что для памяти, а то какой же онъ прикащикъ!

Поразмыслилъ все это хорошенько отецъ, да и отдалъ сына въ школу. Мальчишка смышленный, бойкій—скоро, мѣсяца въ четыре, выучился читать.

Ну, довольно учить грамотѣ, сказалъ батька, пора и за работу—и взялъ сынишку изъ школы. Сказать по правдѣ, отецъ его не слишкомъ думалъ о томъ, что сыну полезно учиться; онъ, какъ я уже сказалъ, заботился о томъ, чтобы сынъ зналъ на столько грамотѣ, чтобы могъ помогать ему

въ торговлѣ; самъ старикъ хотя и мало зналъ грамотѣ, но былъ человѣкъ смышленный и, какъ говорится, ловко умѣлъ обработывать свои торговыя дѣлишки; словомъ, онъ не брезгалъ и всякими такими хитростями и уловками, которыя наши мелкіе торговцы называютъ «*коммерціею.*» По правиламъ этой «*коммерціи*» поднадуть покупателя не только не считаютъ они дѣломъ безчестнымъ, но напротивъ, называютъ это ловкостью, молодечествомъ, умѣніемъ «поддержать коммерцію.»

Очень часто вѣроятно и вамъ, читатель, случалось видѣть, какъ какой нибудь торгашъ разсыпается передъ покупателемъ, заламывая передъ нимъ ни вѣсть какую цѣну за товаръ, который и половины того не стоитъ; и какихъ онъ средствъ не употребляетъ, чтобы обмануть покупателя, и какъ онъ божится, клянется, точно креста на немъ нѣтъ, точно и Бога то онъ не боится!

А поглядите на этого продавца—какой онъ кажется богобоязненный человѣкъ. Придетъ въ лавку—поклонится св. иконѣ, засвѣтитъ лампадку, перекрестится несчетное число разъ; точно и вправду богобоязненный человѣкъ. Онъ думаетъ, что все сдѣлалъ, коли перекрестился, да въ церковь сходилъ; онъ вполнѣ увѣренъ, что можно затѣмъ и надуть человѣка: это не грѣхъ, это значитъ коммерцію поддержать. Думаетъ онъ такъ потому, что человѣкъ онъ, хотя можетъ и грамотный, да не въ прокъ пошла ему и грамота—не сталъ онъ по ней учиться уму-разуму, не сталъ читать книжки, да вникать, что̀ въ нихъ такое хорошее написано. Потому, мало знать грамотѣ, а нужно еще умѣть пользоваться ею, выучиться

по ней различать хорошее и худое, правду и ложь. Иной безграмотный совѣсти да страха Божія больше имѣетъ, чѣмъ и грамотный, да безпутный человѣкъ.

Молодой Кольцовъ, Алеша, хотя и немногому выучился въ школѣ, потому что отецъ скоро взялъ его оттуда, но за то успѣлъ полюбить грамоту; полюбились ему книжки.

Отецъ, между тѣмъ, сталъ пріучать его къ своему дѣлу и давалъ ему иногда за его труды деньжонокъ. Всѣ эти деньжонки мальчишка тратилъ на покупку книжекъ, и читалъ онъ, бывало, чуть не по цѣлымъ днямъ эти книжки. Больно не нравилось отцу это чтеніе; что съ него толку, разсуждалъ онъ, а за этими книгами отбивается только парнишка отъ работы; поэтому нелюбилъ онъ когда заставалъ сына за книжкой, и мальчикъ долженъ былъ читать украдкой не только отъ отца, но и отъ всѣхъ домашнихъ, которые все это чтеніе называли однимъ ненужнымъ баловствомъ, ни къ чему не ведущимъ дѣломъ. Поневолѣ приходилось ему заниматься чтеніемъ украдкой, какъ будто какимъ и вправду недобрымъ дѣломъ, а потому любилъ онъ, когда отецъ его бралъ съ собою въ степь, куда онъ часто ѣздилъ поглядѣть на свои стада; частенько онъ оставлялъ тамъ Алексѣя на нѣсколько дней; часто, такимъ образомъ, приходилось парнишкѣ ночевать въ степи. Любилъ проводить эти ночи въ степи Кольцовъ. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, онъ могъ совершенно спокойно читать свои книжки, здѣсь было ему привольно.

Любилъ онъ слушать разсказы пастуховъ и обозниковъ, или какъ ихъ тамъ называютъ, *чумаковъ;* много въ этихъ разсказахъ было для не-

го любопытнаго, онъ совершенно привязался къ этой степной жизни, полюбилъ ее—эту привольную, широкую степь. Находилъ онъ большое наслажденіе любоваться зеленою весеннею травкою поля, красиво растилалось оно передъ его глазами, разукрашенное цвѣточками, а кругомъ все такъ тихо, спокойно! Покойно, весело и ему было здѣсь. Невидѣлъ онъ тутъ людской хитрости, неправды, которыя пришлось ему рано увидѣть въ городѣ, въ особенности зимою, когда отецъ посылалъ его на базаръ, для закупки и продажи товара, гдѣ впервые-то онъ и увидѣлъ всѣ плутни торгашническія, гдѣ такъ часто приходилось ему сталкиваться съ людьми, которые не брезгали никакими средствами, чтобы нажить деньги; тутъ говорю, онъ увидѣлъ все это и пуще еще возненавидѣлъ неправду, ложь, обманъ... Вотъ почему онъ такъ любилъ проводить время въ степи; здѣсь онъ былъ одинъ, здѣсь онъ любовался міромъ Божіимъ.

Такъ росъ парень и работалъ, помогалъ отцу, да въ тоже время и учился грамотѣ... Читая часто книжки, дивился онъ какъ это люди выучились такъ хорошо разсказывать въ книжкахъ про разныя вещи, которыя видѣли, про разные случаи, какіе съ кѣмъ были, какъ это научились они такъ хорошо складывать пѣсни. Чѣмъ больше онъ читалъ и дивился этому, тѣмъ больше ему самому хотѣлось сложить пѣсню; и сталъ онъ складывать, да сначала все какъ то у него не клеилось дѣло, однако онъ—ничего, все пытался, ну, и удалось наконецъ и ему сложить пѣсенку... Конечно, не такъ скоро это ему удалось, какъ

вотъ я говорю, потому что, извѣстно — вѣдь «сказка скоро говорится — а дѣло медленно творится.» И онъ уже парень взрослый былъ и хорошо выучился грамотѣ, когда сложилъ первую пѣсню.

Каждый изъ насъ любитъ поговорить о томъ, что намъ больше нравится, что насъ больше занимаетъ, каждому хочется поразсказать другимъ, что онъ слышалъ любопытнаго, или видѣлъ занимательнаго. Такъ и Кольцову, когда онъ выучился складывать пѣсни, захотѣлось поразсказать другимъ прежде всего про степь, которая ему такъ полюбилась и въ которой онъ такъ хорошо проводилъ время. И вотъ, когда онъ хорошо выучился грамотѣ, то и сложилъ про эту степь такую пѣсню.

Степь раздольная
Далеко вокругъ,
Широко лежитъ,
Ковылемъ—травой
Расстилается!
Ахъ ты, степь моя,
Степь привольная,
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
Къ морю Черному
Понадвинулась...

И много пѣсенъ складывалъ онъ про степь; нравилась ужь она ему больно, а особенно нравилась она ему весною; стоскуется, бывало, онъ по ней за долгую зиму и, какъ только проглянетъ весеннее солнышко, спѣшитъ онъ въ степь полюбоваться на нее.

Весною степь зеленая
Цвѣтами вся разубрана,
Вся птичками летучими,
Пѣвучими полнымъ—полна. .
Поютъ онѣ и день и ночь...
То пѣсенки чудесныя...

Такую радостную пѣсню сложилъ онъ про степь, такою веселою она казалась ему послѣ долгой зимы....

Но невсегда однако степь казалась ему веселою; порою тишина степная навѣвала и грусть-тоску на него. Такая грусть, нашла на него, когда онъ увидѣлъ среди степи вдали отъ жилья свѣжую могилу, которая стояла тутъ одиноко и одинъ лишь простой тростниковой крестъ украшалъ ее: чья это могила, говоритъ онъ; задумавшись надъ нею:

Чья это могила
Тиха, одинока?
И крестъ тростниковый
И насыпь свѣжа;
И чистое поле
Кругомъ безъ дорогъ.
Чья жизнь отжилася?
Чей кончился путь?
Татаринъ ли дикій
Свершилъ здѣсь убійство
Въ ночной темнотѣ,
И свѣжею кровью,
Горячею брызнулъ
На русскую быль?....
Или молодая
Жница-поселянка,
Ангела-младенца
На рукахъ лелея,

Оплакала горько
Кончину его,—
И подъ яснымъ небомъ
Въ полѣ на просторѣ,
Въ цвѣтахъ васильковыхъ
Положенъ дитя?..
Вѣетъ надъ могилой,
Вѣетъ буйный вѣтеръ,
Катитъ черезъ ниву,
Мимо той могилы,
Сухую былинку,
Перекати-поле;
Будитъ сильный вѣтеръ,
Будитъ, не пробудитъ
Дикую пустыню,
Тихой сонъ могилы!

Ну а все же самымъ тяжелымъ временемъ для него была зима, когда ему приходилось, какъ я уже сказалъ, ходить на базаръ, сталкиваться съ людьми, о которыхъ я уже говорилъ...

Отдыхалъ онъ отъ этихъ занятій, когда возвращался домой и могъ взяться за свои любимыя книжки. Но и тутъ приходилось ему быть совершенно одному съ своими книгами, никто изъ домашнихъ не понималъ и не могъ понять его; а куда какъ тяжело человѣку, когда ему не съ кѣмъ словомъ перекинуться, не съ кѣмъ поговорить по душѣ, откровенно о томъ, что его занимаетъ, тревожитъ.

Куда намъ бываетъ какъ легче, когда мы и горе и радость свою можемъ разсказать человѣку, который насъ пойметъ, который не насмѣется надъ нами, а пожалѣетъ насъ въ горѣ или порадуется вмѣстѣ съ нами нашему счастью, какъ

это умѣлъ дѣлать Кольцовъ, который понималъ чужое горе, не сторонился отъ него, не считалъ это дѣло его не касающимся, а всегда, когда могъ, помогалъ человѣку въ горѣ; если-же и не могъ помочь, такъ по крайней мѣрѣ искренно сожалѣлъ того, кого постигало горе. Вдумывался онъ въ горе людей, жалѣлъ ихъ. Вотъ, напримѣръ, часто приходилось ему видѣть, какъ родители выдаютъ свою дочь насильно замужъ за немилаго человѣка.... Стерпится-слюбится, говорятъ они обыкновенно; но плохое житье безъ любви съ немилымъ человѣкомъ, и вотъ какъ Кольцовъ разсказываетъ объ этомъ, жалѣетъ дѣвушку, которой суждено жить съ немилымъ:

Ахъ, зачѣмъ меня
Силой выдали
За немилаго—
Мужа стараго?
Небось весело
Теперь матушкѣ
Утирать мои
Слезы горькія!
Небось весело
Глядѣть батюшкѣ
На житье—бытье
Горемычное!
Небось сердце въ нихъ
Разрывается,
Какъ приду одна
На великой день;
Отъ дружка дары
Принесу съ собой:
На лицѣ—печаль,
На душѣ—тоску!
Поздно родные
Обвинять судьбу,
Ворожить, гадать,
Сулить радости!
Пусть изъ за-моря
Корабли плывутъ,
Пущай золото
На полъ сыплется:
Не рости травѣ
Послѣ осени;
Не цвѣсти цвѣтамъ
Зимой—поснѣгу!

У Кольцова былъ только одинъ такой человѣкъ, съ которымъ онъ могъ, какъ говорится, отводить душу.

Еще въ школѣ онъ подружился съ однимъ

мальчикомъ, своимъ ровесникомъ. Подружились они не потому только, что они играли вмѣстѣ, не потому, что помогали другъ другу въ шалостяхъ. Они подружились потому, что оба любили чтенiе, любили книжки и вмѣстѣ читали ихъ.

Мальчикъ этотъ былъ сынъ одного богатаго Воронежскаго купца. Частенько Кольцовъ забирался къ нему и они вмѣстѣ читали, толковали о прочитанномъ, и тутъ только Кольцовъ, какъ говорится, отводилъ душу.

Такъ прошло три года...

Но тутъ то и постигло его большое горе. Прiятель его умеръ. Единственный живой человѣкъ, съ которымъ онъ дѣлилъ и горе и радость, съ которымъ ему жилось по душѣ—и того онъ лишился.... Тяжело стало ему; онъ остался одинъ-одинешенекъ въ цѣломъ мiрѣ; никто его не понималъ, ни кому не было до него дѣла, всѣмъ казалась ненужною, излишнею, пустою его любовь къ книжкамъ, къ чтенiю, а многiе даже смѣялись надъ нимъ за его любовь къ чтенiю. Горько, невыносимо горько стало ему жить!

Всѣ домашнiе ему опостыли, и онъ сталъ еще чаще и чаще уходить въ поле, въ степь, и здѣсь, безъ людей, было ему легче глядѣть на свѣтъ Божiй.

Вотъ какъ онъ разсказываетъ о своемъ жытьѣ-бытьѣ.

Скучно и нерадостно
Я провелъ вѣкъ юности:
Жилъ въ степи съ коровами,
Грусть въ лугахъ разгуливалъ,
По полямъ съ лошадкою,
Одинъ горе мыкивалъ,
Дикаремъ степнякою.

Да, тяжело, очень тяжело стало бѣдному мальчику послѣ смерти его друга. Кольцовъ былъ еще очень молодъ и это было первое большое горе въ его жизни.

Тосковалъ онъ очень о своей утратѣ, а всежь не отшатнулся онъ и отъ отцовскаго дѣла: на все онъ находилъ время. Напротивъ, чѣмъ больше онъ входилъ въ возрастъ, тѣмъ чаще приходилось ему отправляться на базаръ со скотомъ, или съ возами сала. Не брезгалъ онъ этимъ дѣломъ, но никогда онъ не могъ помириться со всѣми плутнями мелкаго базарнаго торгашничества, съ которымъ все чаще и чаще приходилось ему встрѣчаться.

Не тянуло его въ кабакъ, какъ другихъ торговцевъ, которые спѣшатъ туда спустить копѣйку, обманомъ стянутую съ покупателя. Нѣтъ, не прельщала, не заманивала его эта жизнь и чѣмъ ближе и чаще видѣлъ онъ это, тѣмъ болѣе и болѣе питалъ ко всему этому отвращеніе, тѣмъ строже относился къ себѣ и велъ дѣло свое честно, добросовѣстно.

Вскорѣ, однако же, онъ немного утѣшился; парень былъ онъ еще молодой, а молодому, извѣстно все легче перенести, нежели тому, кто постарѣе. Утѣшился онъ, какъ познакомился съ однимъ очень хорошимъ молодымъ человѣкомъ — Серебрянскимъ. Серебрянскій учился въ воронежской гимназіи; молодые люди сошлись близко, и скоро очень подружились. Серебрянскій учился больше нежели Кольцовъ, стало быть имѣлъ больше разныхъ познаній и дѣлился ими съ Кольцовымъ. Съ этого времени Кольцовъ словно ожилъ, встре-

пенулся и сталъ еще больше учиться, да все продолжалъ писать своя пѣсни. Эти пѣсни такъ понравились другу его Серебрянскому, что онъ ихъ напечаталъ отдѣльною книжкою. Книжка эта разошлась по всей Россiи и обратила вниманiе всѣхъ умныхъ людей, такъ что, когда вскорѣ послѣ этого Кольцову пришлось побывать, по своимъ дѣламъ, въ Петербургѣ, то тамъ онъ попалъ въ кругъ людей образованныхъ, которые оцѣнили его способности, его страсть къ чтенiю, къ ученiю.... Пѣсни его тѣмъ понравились всѣмъ образованнымъ людямъ, что въ нихъ онъ разсказалъ про народную крестьянскую жизнь... Разсказывалъ онъ про нее не такъ, какъ разсказываютъ люди, которые никогда ее не видѣли или хотя и видѣли, но не хорошо узнали ее... Такимъ людямъ эта жизнь представляется какою то веселою, привольною жизнью, имъ кажется, что весело живетъ мужикъ: все-де гуляетъ въ полѣ, да сидитъ у рѣчки, да поетъ пѣсни, да пляшетъ. Такiе люди, по большей части, судятъ объ этой жизни потому, какою она имъ самимъ кажется, когда они въ лѣтнiе жары уѣзжаютъ на дачу, куда нибудь въ деревню. Прiятно имъ здѣсь отдыхать отъ городской пыли, жары; прiятно, весело бываетъ имъ послушать пѣсню, которую поетъ мужикъ за работою; ну, и думаютъ они, что и мужику весело, хорошо, коли онъ поетъ.... Словно крестьянину только и дѣла, что пѣть пѣсни!... Мало-ли у него дѣла! Съ утра до вечера занятъ онъ: иначе и жить бы ему было нечѣмъ... А Кольцовъ хорошо зналъ жизнь мужицкую, зналъ всѣ заботы этой жизни, видѣлъ какъ мужикъ бьется чтобы про-

жить на свѣтѣ, какъ трудится онъ, чтобы заработать копѣйку про черный день.... И хотѣлось ему, чтобы всѣ узнали русскаго мужика и его мужицкую жизнь. Вотъ потому онъ всѣ пѣсни и складывалъ больше про эту жизнь, а въ этихъ пѣсняхъ разсказывалъ онъ и про горе и про радость мужика, словомъ про всю его жизнь... Вотъ послушаемъ, какъ онъ разсказываетъ про жизнь крестьянина.

Главная и первая забота мужика—его забота о хлѣбѣ... Рано утромъ—только займется заря—поднимается мужикъ, запряжетъ свою лошадь, да начнетъ пахать... Вотъ какую Кольцовъ сложилъ пѣсню про эту заботу мужика.

Ну, тащися, сивка,
Пашней, десятиной,
Выбѣлимъ желѣзо
О сырую землю.
Красавица зорька
Въ небѣ загорѣлась,
Изъ большаго лѣса
Солнышко выходитъ.
Весело на пашнѣ;
Ну, тащися, сивка!
Я самъ-другъ съ тобою,
Слуга и хозяинъ.
Весело я лажу
Борону и соху,
Телѣгу готовлю
Зерна насыпаю.
Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вѣю...
Ну! тащися сивка
Пашенку мы рано
Съ сивкою распашемъ,
Зернышку сготовимъ
Колыбель святую.
Его вспоитъ, вскормитъ
Мать земля сырая;
Выйдетъ въ полѣ травка,
Выростетъ и колосъ.
Станетъ спѣть, рядиться
Въ золотыя ткани,
Заблеститъ нашъ серпъ здѣсь,
Зазвенятъ здѣсь косы,
Сладокъ будетъ отдыхъ
На снопахъ тяжелыхъ.
Ну, тащися, сивка!
Накормлю до сыта,
Напою водою,
Водою ключевою.
Съ тихою молитвой
Я вспашу, посѣю:
Уроди мнѣ, Боже,
Хлѣбъ—мое богатство.

И точно хлѣбъ составляетъ все богатство мужика; кормитъ и поитъ его степь; вотъ отчего и любитъ крестьянинъ степь... Послушаемъ, какъ онъ говоритъ про степь, къ которой пришелъ въ гости, поразсказать свое горе.

Въ гости я къ тебѣ
Не одинъ пришелъ:
Я пришелъ самъ другъ
Съ косой вострою;
Мнѣ давно гулять
По травѣ степной,
Вдоль и поперекъ,
Съ ней хотѣлося...
Раззудись плечо,
Размахнись рука,
Ты пахни въ лицо
Вѣтеръ съ полудня!
Освѣжи, взволнуй
Степь просторную!
Зажжужи, коса,
Засверкай кругомъ!
Зашуми, трава
Подкошонная;
Поклонись цвѣты,
Головой землѣ!

Пришелъ онъ, молодой косарь, въ степь—не полюбоваться только ею, а пришелъ онъ къ ней за помощью... Полюбилась ему старостина дочка, да бѣденъ онъ былъ и староста не хотѣлъ отдать ему своей дочки, въ жоны. И вотъ парень принялся за работу. Нагребу копенъ, говоритъ онъ,

Намечу стоговъ —
Дастъ козачка мнѣ
Денегъ пригоршни
Я зашью казну,
Сберегу казну,
Ворочусь въ село
Прямо къ старостѣ:
Не разжалобилъ
Его бѣдностью,
Такъ разжалоблю
Золотой казной...

Не разжалобилъ онъ старосту своею бѣдностью, не захотѣлъ староста отдать за него свою дочку и не пошелъ онъ съ горя въ кабакъ, не сталъ заливать этого горя чаркою, а сталъ работать, косить; онъ продастъ свои стога богатой козачкѣ, получитъ за нихъ пригоршни денегъ и, можетъ быть, этимъ разжалобитъ старосту, склонитъ его выдать за себя дочку...

Но не каждый мужикъ такъ разсуждаетъ; встрѣчаются и лѣнивые, нерадѣлые, которые ни мало не заботятся о своемъ хозяйствѣ...

Вотъ какъ и о такихъ говоритъ Кольцовъ, вотъ какъ ихъ описываетъ:

Что ты спишь, мужичекъ?
Вѣдь весна на дворѣ;
Вѣдь сосѣди твои
Работаютъ давно.
Встань, проснись, подымись,
На себя погляди:
Что ты былъ? и что сталъ?
И что есть у тебя?
На гумнѣ—ни снопа,
Въ закромахъ—ни зерна,
На дворѣ, по травѣ—
Хоть шаромъ покати.
Изъ клѣтей домовой
Соръ метлою посмелъ,
И лошадокъ, за долгъ
По сосѣдямъ развелъ.
И подъ лавкой сундукъ
Опрокинутъ лежитъ;
И погнувшись изба,
Какъ старушка стоитъ.
Вспомни время свое,
Какъ катилось оно

По полямъ и лугамъ
Золотою рѣкой,
Со двора и гумна
По дорожкѣ большой,
По селамъ, городамъ,
По торговымъ людямъ!
И какъ двери ему,
Растворяли вездѣ,
И въ почетномъ углу
Было мѣсто твое!
А теперь, подъ окномъ
Ты съ нуждою сидишь,
И весь день на печи
Безъ просыпу лежишь.
А въ поляхъ, сиротой,
Хлѣбъ не скошенъ стоитъ:
Вѣтеръ точитъ зерно,
Птица клюетъ его.
Что ты спишь, мужичекъ?
Вѣдь ужь лѣто прошло,
Вѣдь ужь осень на дворъ
Черезъ прясло глядитъ.
Вслѣдъ за нею зима
Въ теплой шубѣ идетъ,
Путь снѣжкомъ порошитъ,
Подъ санями хруститъ.
Всѣ сосѣди на нихъ
Хлѣбъ везутъ, продаютъ,
Собираютъ казну,
Бражку ковшикомъ пьютъ.

Вотъ каковъ лѣнивый, нерадѣющій мужикъ. Все хозяйство его пришло въ разстройство, а онъ, какъ говорится, и въ усъ себѣ не дуетъ. Лежитъ на печи—и мало ему заботы.... Не думаетъ онъ отомъ, что завтра, быть можетъ, придется ему идти по міру и просить Христа ради хлѣба

у чужихъ людей. А про то, какъ горекъ хлѣбъ у чужихъ людей, вотъ какъ разсказываетъ Кольцовъ:

У чужихъ людей
Горекъ бѣлый хлѣбъ.
Брага хмѣльная—
Не разымчива!
Рѣчи вольныя—
Все какъ связаны;
Чувства жаркія
Мрутъ безъ отзыва...
Изъ души-ль порой,
Радость вырвется —
Злой насмѣшкою
Вмигъ отравится.
И бѣлъ-ясенъ день
Затуманится;
Грустью черною
Міръ одѣнется.
И сидишь, глядишь
Улыбаючись;
А въ душѣ клянешь
Долю горькую!

Или:

Тяжело жить дома въ бѣдности,
Даромъ хлѣбъ сбирать подъ окнами;
Тяжелѣй того въ чужихъ людяхъ
Быть въ неволѣ, въ одиночествѣ.
Дни проходятъ здѣсь безъ солнышка,
Ночи темныя безъ—мѣсяца;
Бури страшныя, громовыя,
Удалой души не радуютъ.

Побывавъ въ Москвѣ и въ Питерѣ и покончивши тамъ благополучно всѣ свои дѣла, Кольцовъ возвратился въ Воронежъ и сейчасъ же принялся за свои хозяйственныя дѣла. Вотъ что онъ писалъ въ это время о своихъ занятіяхъ:

«Батинька два мѣсяца продаетъ быковъ въ Москвѣ, дома я одинъ, дѣла много. Покупаю свиней, становлю на винный заводъ на барду; въ рощѣ дрова рублю; осенью пахалъ землю; на скорую руку ѣзжу въ села, дома по дѣламъ хлопочу съ зари до полночи.»

Это было самое хлопотливое для Кольцова вре-

мя. Побывавъ въ Питерѣ и въ Москвѣ, гдѣ онъ познакомился со многими умными и важными людьми, которые его обласкали, поощрили въ его стремленіи учиться, онъ снова попалъ въ Воронежъ, гдѣ не умѣли цѣнить его, гдѣ пришлось ему снова имѣть дѣло съ торговцами, ѣздить на базаръ и вообще заниматься многими мелочами, которыя были ему и не по душѣ и отнимали много времени, да кромѣ того испытывать еще въ добавокъ и не мало непріятностей, а иногда даже и опасностей. Одинъ разъ напр., когда онъ былъ въ степи, такъ разсердился на него одинъ изъ работниковъ, что хотѣлъ убить его, и только случайно Кольцовъ избѣжалъ смерти.

Люди ограниченные, т. е. не умные, цѣнятъ людей не по достоинству, а по происхожденію. Конечно, что и говорить, заслуги предковъ имѣютъ большое значеніе, ихъ слѣдуетъ уважать; но нужно уважать въ человѣкѣ и то, что онъ самъ имѣетъ хорошаго, потому что у иного предки были великіе люди, а самъ то онъ ничему не учился, ничего не знаетъ, да вдобавокъ еще, пожалуй, и дурной человѣкъ; а у иного и предки то были не знатные, да самъ онъ человѣкъ умный, честный, хорошій, такъ за что же его не уважать. Ну, вотъ хоть-бы Кольцовъ, сынъ простаго мужика, а захотѣлъ, какъ говорится, выйти въ люди—и вышелъ, научился грамотѣ, да уму—разуму... Умные люди за то еще больше его уважали, что всю жизнь свою онъ встрѣчалъ одни только неудачи, да препятствія: другой-бы и рукой махнулъ, пересталъ-бы учиться, но не таковъ былъ Кольцовъ.

Не умѣли, говорю я, цѣнить его въ Воронежѣ.

Неумѣли потому, что смотрѣли на него не какъ слѣдуетъ смотрѣть на человѣка, т. е. прежде всего на его умъ, честность, а только на одно его происхожденіе. Многіе знали его еще мальчикомъ, простымъ мужицкимъ сыномъ, знали его занятіе и разсуждали: эка важность, мужицкій сынъ тоже въ грамотѣи лѣзетъ; торговалъ бы своими баранами, да и не совался куда и люди. Не всѣ конечно такъ разсуждали; были, можетъ, люди, которые и цѣнили его, но такихъ было очень мало въ Воронежѣ. Да это впрочемъ, по большей части, всегда такъ бываетъ въ жизни.

Родной отецъ и тотъ перечилъ ему въ его ученіи. Но несмотря на это, все вынесъ онъ, на все хватило у него силъ и терпѣнія. Люди умные оцѣнили его, а на такихъ, которые гнушались имъ, потому что онъ мужикъ, онъ самъ не обращалъ вниманія, но и не бранилъ ихъ, не сердился на нихъ, а прощалъ имъ, и вотъ какъ училъ жить своего маленькаго брата. Если ты достигнешь высокаго званія—говорилъ онъ—то передъ бѣднымъ

Счастливой долей не гордись,
Но съ нимъ, чѣмъ Богъ послалъ, послѣднимъ,
Какъ съ роднымъ братомъ, подѣлись.
Суму дадутъ—не спорь съ судьбою;
У Бога мы равны: предъ Нимъ
Смирися съ дѣтской простотою...

Онъ не обращалъ на нихъ вниманія, но конечно, не весело и не легко ему было, и вотъ какъ онъ разсказываетъ про свое тяжкое одиночество:

Въ непогоду вѣтеръ
Воетъ, завываетъ;
Буйную головку
Злая грусть терзаетъ.

Нѣту силъ-усталъ я
Съ этимъ горемъ биться,
А на свѣтъ посмотришь:
Жалко съ нимъ проститься!
Доля-жь, моя доля!
Гдѣ ты запропала?
До поры, до время,
Въ воду камнемъ пала?

Поднимись, что силы
Размахнись крылами:
Можетъ наша радость
Живетъ за горами.
Если нѣтъ—у моря
Сядемъ, да дождемся;
Безъ любви и съ горемъ
Жизнью наживемся!..

Въ 1837 г. проѣзжалъ черезъ Воронежъ Василій Андреевичъ Жуковскій, воспитатель и учитель нынѣ благополучно царствующаго нашего батюшки Царя, и пришелъ навѣстить Кольцова. Это очень тронуло и обрадовало Алексѣя Васильевича и удивило всѣхъ Воронежцовъ. Не мало дивились они тому, какъ это царскій учитель да пришелъ въ гости къ мужицкому сыну. И не могли понять они того, что потому и былъ онъ царскій учитель, что былъ человѣкъ умный, а значитъ умѣлъ уважать и цѣнить умнаго и честнаго человѣка—не обращая вниманія на то—богатый-ли онъ и знатный, или бѣдный, не знатный, простой мужицкій сынъ, торговецъ скотомъ (прасолъ).

Но не только удивились этому воронежскіе недоброжелатели, но и позавидовали Кольцову; одинъ человѣкъ въ Воронежѣ только и порадовался этому—это Серебрянскій, который, какъ я уже говорилъ, любилъ и цѣнилъ Кольцова, помогалъ ему на сколько могъ и дѣломъ и словомъ.... Но скоро, не дальше какъ въ слѣдующемъ, 1838 году, и этотъ единственный человѣкъ, съ которымъ онъ былъ близокъ въ Воронежѣ—умеръ. И снова осиротѣлъ Кольцовъ; снова остался онъ одинъ, совершенно одинъ, среди людей, которые преслѣ-

довали его насмѣшками, осужденіями и даже бранью.

Тяжело, очень тяжело было жить ему среди такихъ людей, а тутъ еще вдобавокъ ко всему этому онъ и самъ заболѣлъ и слегъ.

Родные, даже и тѣ, оставили его, такъ что ему приходилось очень трудно; случалось, что ему не на что было купить лекарства; иногда даже приходилось ему оставаться по нѣсколько дней безъ ѣды, безъ чая.

Въ теченіи всего 1842 года онъ проболѣлъ; наконецъ силы оставили его совершенно и 19 октября 1842 года, въ 3 часа послѣ полдня онъ умеръ.

Вотъ какова была жизнь этого умнаго, честнаго и добраго человѣка. Конечно, не мало есть и было и будетъ на свѣтѣ умныхъ, честныхъ и образованныхъ людей... Но и не диво когда эти умные и образованные люди выходятъ изъ такихъ семей, гдѣ съ самаго дѣтства заботятся о нихъ родители, слѣдятъ за каждымъ ихъ шагомъ, учатъ ихъ, холятъ, лелѣятъ и не знаютъ они никакой нужды... Но заботился ли кто нибудь о Кольцовѣ? Вы видѣли, напротивъ, что сначала никто не обращалъ никакого вниманія на простаго мужицкаго мальчишку Алешку, а когда онъ самъ, по своей волѣ и охотѣ, пристрастился къ грамотѣ, къ ученію, тогда всѣ окружающіе его, всѣ близкіе ему, даже родной отецъ—всѣ, всѣ противились его ученію.... Но онъ не отсталъ отъ книжки, не бросилъ ученія, но въ тоже время не бросилъ и отцовскаго дѣла. Онъ не гнушался торговать скотомъ, ѣздить по базарамъ, рубить дрова, покупать свиней, пахать

землю. Вотъ не выучился онъ одному: не могъ онъ никогда плутовать, какъ часто плутуютъ другіе торговцы. А пожалуй бросилъ-бы онъ свои книжки, да сталъ бы *«коммерцію поддерживать»*, со всѣми уловками и фокусами, да не правдами — чего добраго—можетъ и не умеръ бы въ такой бѣдности, а оставилъ бы еще и капиталецъ.... Да что толку съ того капитала: нажить бы его нажилъ, да прожилъ бы совѣсть. А не таковъ онъ былъ: много онъ видалъ въ жизни горя, много испыталъ неудачъ, много натерпѣлся напраслинъ отъ людей, но сохранилъ совѣсть, потому что зналъ Бога, и чистымъ предсталъ передъ судомъ Его, Всемогущаго.

Всю жизнь свою онъ исполнялъ то что говорилъ: «буду жить, пока живется, буду работать пока работается; употреблю всѣ силы, пожертвую сколько могу; буду биться до конца края. И когда послѣ этого упаду, мнѣ краснѣть будетъ не передъ кѣмъ, и передъ самимъ собою я буду правъ.»

И вправду не пришлось краснѣть ему передъ людьми, потому что краснѣетъ только тотъ, у кого совѣсть не чиста; а онъ былъ съ чистою душою, съ чистою совѣстью.

Умные и честные люди за это и уважали его; и не смотря на то, что умеръ онъ давно, что былъ простой мужицкій сынъ, всѣ грамотные люди знаютъ его, а пѣсни его и доселе читаютъ и поютъ. И много, много лѣтъ пройдетъ, а его все не забудутъ и наши дѣти и внуки будутъ разсказывать своимъ дѣтямъ и внукамъ про то, какъ простой воронежскій мужикъ «по своей и Божьей волѣ сталъ разуменъ и великъ!»

А всякій, кому доведется побывать въ Воронежѣ, пойдетъ, конечно, на площадь да поглядитъ на памятникъ, поставленный мужику — прасолу и поклонится онъ этому мужику и скажетъ: а и въ правду говоритъ пословица: «*ученье свѣтъ—а не ученье тьма.*»

